

посольства И. И. Северин «наскучил до крайности Царемградом» (61), а венецианскому посланнику один год пребывания в Порте «заменяется за три»: «Вот каково Венециане о житье турецком думают!» (403).

Измученный предчувствиями, он уже торопит развязку и хочет поскорее попасть в неизвестное, пугающее и неотвратимое место, называемое Смирна. «Видать ли, чтоб уж до Смирны доехать: по крайней мере на деле увижу, что со мною будет и чего быть не может. Право дума проклятая меня мучит. Да и только» (56). Нагнетаемые опасения и страхи Хемницера подтвердились и сразу после приезда на место службы переросли в подавленное состояние. Не успев поселиться в Смирне, он уже почувствовал усталость, и несколько недель, проведенных в Порте, показались ему вечностью. В декабре 1782 г. Хемницер писал Львову: «То подлинно, что мне в каждом из ваших писем кажется надобно превеликие перемены услышать, потому что мне кажется, что я с вами несколько уже лет расстался. И если подумаю, что только с 6 июня, так сам не знаю, как промаячить то время, которое еще здесь остаться должно будет» (69). Тоска разъедала его изнутри, и порой он терял не только ощущение времени, но и собственной личности. «Скажешь не раз: где я? и что я? скажите мне кто-нибудь! Никто не отвечает. А если какой-нибудь голос где и отдается, так этот голос такой, от которого больше с дороги сбиться, нежели по настоящей путь свой продолжать можно». Он пытался заглушить боль и рациональными доводами, и усилием воли, но все более убеждался, что сделать это очень сложно. «Снести боль, когда она есть, не охнув ни разу, кажется и ты не потребуешь» (78—79), — писал он Львову. Сильное внутреннее напряжение мешало выплеснуть накопившуюся черноту в стихи. «Басни тебе прислать? <...> Кто в Турецшине басни пишет! <...> ни одной еще выправить не удавалось, да и духу не было» (89). Хемницер искал причину столь тяжелого для него психологического сбоя. Он винил сырую зиму в Порте, чужую страну, «новую и никогда известной не бывшую перспективу должности и дел» (78), а перед глазами вставали строчки из письма Капниста: «Не забыть мне сказанное в письме Вас. Вас., писанном ко мне в Петерб., когда узнал он, что я в Смирну еду: „Да подумал ли ты хорошенько, что ты сделал? Да ты таки без друзей там с ума сойдешь“. Типун бы ему на перо!» (91). Он с трудом переносил своеобразный эмоциональный вакуум, созданный вокруг него в Порте. «Надобно вообразить: что один-одинехонек, не с кем слова молвить, а слов-то очень-очень много; все, что думаешь, скрыть в себе самом. Один дома, один вне дома, один везде» (67).

В только что открытом консульстве в Смирне он действительно был оторван даже от российской миссии, которая находилась в Константинополе. Круг его знакомых ограничивался в основном консулами других государств и канцелярией кадия. С этими людьми